

Несмотря на отсутствие письменных сведений о наличии римского гарнизона в гарнийской крепости, он, вероятно, все же там был, и, возможно, в это же время была построена баня. Крепость занимала важное стратегическое положение, входила в оборонительную систему Арташата и не могла не быть использована римлянами. Как известно, в середине I в. н. э., во время римско-парфянского соперничества, в Армении, в крепости Гарни, одном из важнейших стратегических пунктов, стоял римский гарнизон. Нельзя не учитывать того, что и в Грузии (Дзалиси), и в Западной Европе крепостные бани с аналогичными планами, со сходной расстановкой и последовательностью помещений датируются II в. н. э.

Таким образом, на основании вышесказанного представляется возможным датировать гарнийскую баню второй половиной II в. н. э.

Ж. Д. Хачатрян, А. В. Тоникян.

THE ANCIENT BATH IN GARNI

Kh. D. Khachatryan, A. V. Tonikyan

New data from conservation digs, and a re-examination of the ancient bath situated in the palace-temple area of the Garni fortress, have enabled us to consider from a new standpoint problems concerning the functional purposes of certain rooms in the bath complex and the constructional arrangement of its roofing. The dating problem is most important. Analogies found in Armenia (Artashat, Vagarshapat), Georgia (Mstkheta, Dzalisi), western Europe, and also the new finds in the fortress itself, suggest that the Garni bath complex was built in the second half of the 2nd century. A. D.

ОБ АРЕАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙСКОГО В СВЕТЕ ДАННЫХ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Прежде чем приступить к рассмотрению картвельского материала, способного обогатить дальнейшие перспективы изучения проблемы прародины индоевропейцев, обсуждавшейся в посвященных ей предшествующих публикациях¹, необходимо кратко охарактеризовать наше понимание ключевых для настоящего контекста понятий языковой прародины и праязыкового состояния. С одной стороны, полагая, что представленные на современной лингвистической карте мира языковые семьи так или иначе восходят в своих истоках к речи раннего сапиентного человека, автор придерживается историчности понятия языковой прародины. В соответствии с этой предпосылкой для разных исторических этапов существования некоторой генетической языковой общности ее ареальная конфи-

¹ См. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3; *они же.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ, 1981, № 2; *они же.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления. — ВДИ, 1984, № 2; *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I. — ВДИ, 1982, № 3; II. — ВДИ, 1982, № 4; *Лелеков Л. А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ, 1982, № 3.

гурация может существенно варьировать. С другой стороны, мы исходим из признания исторического характера таких безусловно соотносительных по своей природе понятий, как «язык» и «диалект», а также из принципиальной невозможности использования по отношению к праязыковым состояниям социолингвистических критериев, единственно релевантных для языковой идентификации диалектов². Последнее в свою очередь означает, что в наиболее общем случае праязыковая реальность рисуется автору в настоящее время не в виде сколько-нибудь единообразного «языкового индивидуума», а как определенный пространственный континуум языков-диалектов (лингвем — по терминологии М. Алинеи³), допускающих очень широкие структурные и материальные расхождения.

В соответствии с хронологической ориентацией, заданной предшествующими статьями, автор формулирует свою задачу как попытку ответить на вопрос: дает ли картвельский материал основания для гипотезы об ареальном соприкосновении картвельской и индоевропейской языковых областей в эпоху около IV тыс. до н. э.? В связи с таким временным ориентиром представляется уместным напомнить, что опыт глоттохронологической датировки «наиболее позднего» пракартвельского состояния, нуждающейся, по общему признанию, в значительном удревнении, приводит к рубежу III—II тыс. до н. э., а по мнению кавказоведов-археологов, даже разделяющих иберийско-кавказскую гипотезу, картвелы должны были обособиться от других кавказцев, во всяком случае, не позже V тыс. до н. э. (поскольку мы не принимаем иберийско-кавказской гипотезы, мы проецируем существование картвельской языковой семьи и в значительно более глубокое прошлое).

Подобно предшествующим публикациям по проблеме здесь оставлен в стороне объективно сложный вопрос о возможном контактном истолковании совокупности структурных аналогий, выявленных в картвельских и индоевропейских языках. Поэтому и в настоящем случае изложение ограничено анализом соответствующих материальных (лексических) параллелизмов, степень достоверности которых способна как-то контролироваться свидетельствами экстралингвистического порядка.

Наличие в картвельских языках широкого пласта словарных заимствований из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков (греческого, среднеперсидского, армянского, осетинского и др.) всегда признавалось картвелистами⁴. Было замечено и то обстоятельство, что в некоторых случаях индоевропеизмы обнаруживают здесь весьма архаичный облик и поэтому должны, по всей вероятности, восходить еще к «доисторической» эпохе, т. е. к каким-то исторически не засвидетельствованным источникам⁵. По своему существу первичным итогом активизировав-

² Ср. *Климов Г. А.* Фр. Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта. — ВЯ, 1974, № 4.

³ *Alinei M.* Dialect: a dialectical approach. — Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1978, № 26, S. 27—28.

⁴ Ср., например, *Riabinin M.* Notes de lexicographie géorgienne (examen du matériel emprunté). — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, 1897, t. X, f. 1; *Глауе А.* Арио-европейские, а в частности иллирийские элементы в грузинском языке. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1902, т. XXXI, отд. 4; *Deeters G.* Graeco-Georgica. — Mélanges E. Boisacq. P., 1937; *Vogt H.* Arménien et caucasique du Sud. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap 1938, B. IX; *Tsereteli M.* Zur Frage der Verwandtschaft des Georgischen (Kartvelischen). — Bedi Kartlisa, 1966, B. XXI—XXII; *Андроникашвили М. К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); *Гиоргадзе Г. Г.* О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей (По данным хеттского языка). — Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979, с. 64—66.

⁵ Ср. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), с. 206 сл.; *Церетели Г. В.* О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 45.

шихся с 60-х годов этимологических исследований картвельских языков и является кратко комментируемый ниже список их древнейших индоевропеизмов, под которыми здесь понимаются лексемы, убедительно удостоверяющиеся по крайней мере для грузинско-занского состояния.

Мы, однако, воздерживаемся от признания за таковые довольно значительного числа картвельских (как правило, общекартвельских) лексем, трактовка которых в качестве заимствований так или иначе затруднена. С одной стороны, при этом имеются в виду вероятные дескриптивные образования типа *dud- 'кончик', *kḡko- 'жолудь', *loḡ- 'лизать, лакать', *orop(a)- 'удод', *per-//per- 'летать', *slek-: slk- 'облизываться', *cḡer- 'расщеплять, -ся' и т. п. (ср. вокализм *o* ряда основ, а также экспрессивную финаль *p* некоторых других). С другой стороны, это столь фундаментальные для исконного словаря любого языка основы, как *bēr- (//bēl-) 'дуть, надуваться', *gēn-: gn- 'узнавать, сознавать', *ḡar-: ḡr- 'связывать', *ḡreb-: ḡrb- 'собирать, срывать', *lag-: lg- 'класть'; *mḡerd- 'грудь', *geḡw-: ḡw- 'сыпаться, рушиться', *ḡer-: ḡr- 'третью, быть теплым', *pilḡw- 'легкие', *ḡew-: ḡw- 'рождать, -ся' и т. п. ставящие перед сравнительным исследованием труднейшую задачу их адекватного истолкования. Таким образом, ниже рассматриваются только те лексемы общекартвельского или грузинско-занского распространения, которые обнаруживают более или менее ощутимую культурную окраску (с учетом, конечно, исторически варьирующего понятия культурного словаря).

Несколько таких лексем претендуют на их соотнесение уже с пракартвельским состоянием, т. е. с картвельскими идиомами эпохи едва ли позднее IV тыс. до н. э. Прежде всего сюда относятся два числительных первого десятка: картв. *otxo- 'четыре' ~ и.-е. *okto- то же (усматриваемое обычно в индоевропейском обозначении восьми *oktōy, где элемент -ōy интерпретируется в качестве признака дуалиса) ⁶ и картв. *eks₁w- 'шесть' ~ и.-е. *(s)ceḡs то же. По-видимому, уже самим фактом своего существования картвельское обозначение 'четыре' подтверждает адекватность обычного анализа индоевропейского числительного 'восемь'. Таким образом, если учесть постулированные для разных ареалов древних индоевропейских языков обозначения 'четыре', продолжающие *k^uetur и *meḡ, то присоединение к последним архаического, по всей вероятности, *okto- ставит перед исследователем новые вопросы их пространственно-временного распределения. Что же касается второго параллелизма, то аргументом в пользу его глубокой древности может, по-видимому, служить то обстоятельство, что картв. *eks₁w- отражает собой более ранний, как иногда полагают, облик индоевропейского числительного 'шесть', характеризующийся отсутствием начального *s* ⁷.

Вместе с некоторыми другими приводимыми ниже лексемами оба слова служат иллюстрацией тезиса Г. В. Церетели о наличии в картвельских языках слоя индоевропеизмов, обнаруживающих в своем вокализме более раннюю ступень сравнительно с протоиндоиранским состоянием ⁸. Неодинаковое отражение в обоих картвельских числительных исторического *k* может указывать на различие их позиции в слове или на их нетождственный источник. Давность бытования обоих на картвельской почве не оставляет каких-либо сомнений, особенно если учесть, что более поздние семитизмы среди общекартвельских числительных первого десятка,

⁶ См., например, *Henning W. B. Oktō(u)*. — *Transactions of the Philological Society* (1948). L., 1949, p. 69; ср. *Климов Г. А.* Картвельское *otxo- 'четыре' ~ индоевропейское *okto-. — *Этимология*. 1975. М., 1977, с. 162—163.

⁷ См., например, *Nehring A.* Idg. sechs. — *Die Sprache*, 1962, VIII, 2.

⁸ *Церетели*. Ук. соч., с. 45.

засвидетельствованные в обозначениях 'семи' и 'восьми', должны были проникнуть сюда около III тыс. до н. э.

Далее здесь следует назвать небольшую, но весьма интересную группу общекартвельских лексем культурной семантики, восходящих к какому-то праиндоевропейскому источнику: картв. *γweb- 'плести' ~ и.-е. *ϕebh- то же, картв. *γwed- 'привязь ярма, ремень' ~ и.-е. *ϕedh- 'привязь, ремень', картв. *γwino- 'вино' ~ и.-е. *ϕeino- то же, а также, по-видимому, картв. *γwi(a)- 'можжевелник' ~ и.-е. *ϕeǵ- то же (мы не включаем в этот ряд сопоставление одиноко стоящего сван. *γwer- 'клясться' с и.-е. *ϕeg- 'говорить, клясться'). Вся эта группа, не имеющая картвельских этимонов, объединяется единообразной передачей индоевропейского аналитного ϕ комплексом γw (через ступень Verschärfung?), свидетельствующей в пользу глубокой древности их усвоения. Такое единообразие, позволяющее проецировать их примерно в одну и ту же историческую эпоху, может, по-видимому, объясняться не только обычно предполагаемым билабиальным качеством пракартвельского w (в отличие от его губно-зубных, как правило, продолжений в современных языках)⁹, но и возможным отражением древнейшего индоевропейского ларингального, иногда предполагающегося по крайней мере в составе некоторых из соответствующих индоевропейских архетипов. Целесообразно заметить, что грузинско-занские продолжения картв. *γweb-, выявляющие огласовку o, должны быть признаны вторичными ввиду их несоответствия обычной фонологической структуре общекартвельских глагольных корней с типичным для них вокализмом e (имеется возможность показать, что очень немногочисленная группа общекартвельских корней модели CoC- характеризует лишь глаголы звуко-символической и звукоподражательной природы). Ср. аналогичную историю вокализма картв. *ϕwēn- 'показать, -ся', представленного в грузинско-занском ареале в виде вторичного *ϕop-¹⁰.

На глубокую давность усвоения части этих лексем указывают и некоторые другие как собственно лингвистические, так и неязыковые факты. Так, сванское обозначение вина (ср. γwinal, γwinel и т. п.) не может быть заимствованием из других картвельских языков, поскольку оно принадлежит к числу сванских слов общекартвельского происхождения, выступающих ныне в формах единственного числа лишь с уже окаменелым историческим диминутивным аффиксом. Об этом же косвенно свидетельствует наличие общекартвельского глагольного корня *ter- : tr- 'пить хмельное, пьянеть'. Картвельское слово не может восходить ни к анатолийскому, ни к протоармянскому источнику и по своему звуковому облику¹¹. Именная лексема *γwed- служит названием реалии, самым непосредственным образом связанной с другим достоянием древнейшей культуры картвелов — ярмом. Заметим также, что принадлежность глагольной лексемы 'плести' к культурному словарю должна характеризовать весьма отдаленную историческую эпоху.

Обозначение ярма — груз.-зан. *uγel- и сван. ūγwa (при и.-е. *iγogo- то же), — как правило, признается в картвелистике одним из наиболее старых картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов¹². Если трактовать суффиксальный, как это обычно принято считать, исход грузинско-занской основы -el, подобно другим исключительно грузинско-занским словообразовательным общностям, в качестве инновации, то на

⁹ См. *Топурия В. Т.* Фонетические наблюдения над картвельскими языками. — В кн.: *Топурия В. Т.* Труды. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.), с. 57—62.

¹⁰ См. *Гамкрелидзе, Мачавариани.* Ук. соч., с. 251 сл.

¹¹ О несводимости картвельского слова к протоармянскому архетипу см. *Deeters G.* Рец. на кн.: *Die Indogermanen und Germanenfrage. Neue Wege zu ihrer Lösung.* — *Indogermanische Forschungen*, 1938, В. 56, Н. 2, S. 139 f.

¹² Ср. *Чикобава А. С.* Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.), с. 31; также *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 186.

более ранний облик слова будет претендовать его сванская форма. Именно последняя и оказывается особенно близкой к предполагаемому индоевропейскому источнику лексемы (ср., в частности, долгий гласный ее анлаута, способный свидетельствовать о количественном возмещении утраченного начального *i*; даже если признать здесь ауслатное *a* вторичным, то нельзя не учитывать характерных фактов передачи в сванском конечного *o* заимствований в виде *w*). Должно быть очевидным, что только при незнакомстве с исторической лексикологией картвельских языков можно игнорировать этот интересный параллелизм, полагая, что картвельское слово усвоено из северокавказской языковой среды¹³ (следует подчеркнуть, что картвелистике вообще неизвестны случаи заимствований из последней ни для грузинско-занского хронологического уровня, ни тем более для общекартвельского).

Довольно заманчивым представляется также сопоставление картвельских обозначений быка, предназначенного для заклания, с и.е. **uk^hsō-* 'бык': ср. др. груз. *usx-* 'бык или бычок (на убой)' и сван. *usxwa-* 'бык (жертвенный)'. К индоевропейскому архетипу особенно близка сванская форма, которая характеризуется к тому же и архаичной семантикой, способной отражать старые верования картвелов. Заслуживает внимания единообразная по сравнению с предшествовавшим примером передача конца слова в сванском (ауслатный гласный здесь не бывает долгим). Интересны также отражение индоевропейского смычного спирантом и перестановка в консонантном комплексе, подобные имеющим место в картвельском числительном 'четыре'. Сопоставление может служить альтернативным решением к поискам картвельской этимологии слова посредством трактовки его как исторического причастия отсутствия качества, образованного от картв. **s₁x-* в его частном значении 'рождать во множестве', наталкивающейся, по справедливому признанию И. И. Кавтарадзе, на определенные трудности¹⁴.

Наконец, заслуживают упоминания еще два возможных древнейших картвельских индоевропеизма, внушающих, на наш взгляд, несколько меньше доверия — обозначения 'ключа' и 'лисы'. Первый из них может быть реконструирован на основании данных обоих занских, т. е. мегрельского и лазского, а также сванского языков: ср. мегр. *qila-*, лаз. *qula*, сван. *qəl*) в виде **qəla-* 'ключ', что сопоставимо с и.е. **klā* той же семантики (соположение принадлежит В. М. Иллич-Свитычу¹⁵). Некоторая неполноценность этого параллелизма связана с тем, что сванская форма могла быть зависимой уже от занского и соответственно появляется возможность трактовки слова в качестве значительно более позднего заимствования¹⁶. Мнение о неисконном характере картвельских названий 'лисы' — ср. груз. (> занск.) *mel-* и сван. *māl*, *ma(l)w* — впервые было высказано К. Х. Шмидтом¹⁷. В качестве его возможного источника указывают на и.е. **mēl(o)-* 'мелкий зверь'¹⁸. Сохранение сонорного *l* в исходной из сванских форм можно объяснить его исторически неконечной по-

¹³ См., однако, Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов, I, с. 49, прим. 34.

¹⁴ Ср. Кавтарадзе И. И. Дефектные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке. — В кн.: Иберийско-кавказское языковедение. I. Тбилиси, 1946 (на груз. яз.), с. 147 сл.

¹⁵ Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 6.

¹⁶ Ср. Deeters G. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien». — Die Welt des Orients, 1957, № 3, S. 387.

¹⁷ Ср. Schmidt K.-H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 124.

¹⁸ Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, с. 93; ср. Климов Г. А. Опыт стратификации картвельских индоевропеизмов. — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984, с. 17.

зицией. Однако более серьезную трудность составляет соотношение вокализма грузинского и сванского слов.

Более многочисленна группа картвельских индоевропеизмов, надежно засвидетельствованных только в грузинско-занском ареале, но усвоение которых могло относиться еще к пракартвельскому состоянию. Можно допустить, что ее ингредиенты были либо утрачены в сванском языке, либо с самого начала имели ограниченную ареальную закрепленность (здесь не приводятся, однако, те лексемы, проникновение которых с большим основанием соотносимо с более поздним временем). Ср. груз.-зан. *guda- 'бурдюк, мех' (при сван. gudra- то же) ~ и.-е. *gudo- 'кишки, потроха', груз.-зан. *dola- 'безрогий' ~ и.-е. («диалектное») *dola- то же, груз.-зан. *wɛpaq- 'виноградная лоза' (при сван. wɛpāq- 'виноградник') ~ и.-е. («диалектное») *wɛɪnag- то же, груз.-зан. *wɛrʒɪ- 'семец, баран' ~ и.-е. *wɛrs- 'семец', груз.-зан. *tel- 'поросенок' ~ и.-е. *tāl- 'поросль (о молодых животных и растениях)', груз.-зан. *pɔlo- 'копыто быка и непарнокопытных' (при сван. pɔl то же) ~ и. е. *pōlo- 'большой палец ноги или руки', груз.-зан. *kursɫ- 'пятка, подошва' ~ и.-е. *kru-s- или *kur-s- 'голень', груз.-зан. *ɣor- 'свинья' ~ и.-е. («диалектное») *ghori- то же, груз.-зан. *ɣoɣo- 'теленки, буйволы' ~ и.-е. *g̃hāg^h- 'детеныш животного или птицы'.

В этом списке представлены именные основы, не имеющие картвельских этимонов. В ряде случаев бросается в глаза типичное для заимствующей стороны сужение (специализация) семантики соответствующих картвельских форм по сравнению с их индоевропейскими аналогами. Заметны и некоторые отличия от первого списка в отражении отдельных согласных (ср., в частности, картв. w ~ и.-е. u, наблюдаемое в двух примерах). Однако и в этой группе лексем невозможно усмотреть преимущественной близости картвельских фактов к формам какой-либо одной из исторических ветвей индоевропейских языков. Так, приводимые выше «диалектные» формы представляют собой в первом случае их балтийские аналогии, во втором — славянские, в третьем — древнегреческую. Впрочем, интересно отсутствие в них фонетических рефлексов, характерных для сатемного ареала.

Сопоставление картвельских названий 'бурдюка' с индоевропейским материалом встречается уже в нескольких работах¹⁹. Слово имеет индоевропейскую этимологию и, как известно, проникло в свое время также в отдельные семитские языки (ср., например, аккадское gūdu 'бурдюк для воды'). Бурдюк считается одним из наиболее древних атрибутов культуры картвелов²⁰. Остается однако неясным, восходит ли его сванское обозначение к иному картвельскому опосредствующему звену или оно принадлежит общекартвельскому наследию, будучи лишь уподобленным ряду сванских именных образований с аффиксом -га. В пользу первой возможности, как будто, говорит особая близость грузинско-занской формы к др.-инд. gūda-h 'кишка, anus', позволяющая рассматривать ее как одно из отклонений арийского элемента, зафиксированного на Ближнем Востоке с XVIII в. до н. э. Происхождение «диалектных» балтийских названий безрогого скота нуждается в дополнительном изучении, поскольку обе существующие в этой связи гипотезы не свободны от слабостей в аргументации. Тем не менее, должно быть очевидным, что изолированные в грузинско-занском корнеслове груз. dola- и мегр. dulu- (> tulu-) не могут быть обязанными позднему балтийскому источнику. В ауслауте обеих форм налицо звуковое соответствие, характерное для общего фонда имен атрибутивного употребления (для перехода закономерно ожидаемого в

¹⁹ Ср. Климов Г. А. Еще одна индоевропейско-семитско-картвельская параллель. — В кн.: Этимология. 1982. М., 1985, с. 156—159.

²⁰ См. Джаватишвили И. А. Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 66.

мегрельском о в и в соседстве с l ср. груз. *γelo-* 'овраг, балка' при мегр-*yalu-*). Очевидная близость груз.-зан. **wenaq-* 'виноградная лоза' к соответствующему «диалектному» индоевропейскому слову, выводимому из более древнего обозначения вина, неоднократно отмечалась в специальной литературе. Однако его сванская параллель, по всей вероятности, является усвоенной из древнегрузинского, поскольку, как справедливо указывал еще И. А. Джавахишвили, ее значение 'виноградник' представляет собой уже дальнейшее развитие семантики грузинско-занской лексемы²¹. Сходство груз.-зан. **wegz₁-* с индоевропейским материалом было замечено М. К. Андроникашвили²² (другие предлагавшие толкования слова, в частности, трактовка его Н. Я. Марром как «яфетического», не внушают доверия). Вместе с тем его фонетический облик указывает не столько на индоиранский источник, сколько на некоторый более ранний. Преобразование здесь первичной консонантной последовательности отражает характерный для картвельских языков фонетический процесс позиционной аффрикатизации старых спирантов. Следует подчеркнуть, что параллельное мегрельское словосочетание *ḡxur₁ eḡz₁* 'бараг', первый компонент которого является обозначением овцы, предполагает для реконструируемой в этой связи картвельской лексемы первоначальную семантику 'самец'²³. Старое грузинско-занское название поросенка соблазнительно увязать с архаическим и.-е. **t₁hel-*, иногда предполагающимся в качестве предшествующей ступени для последующего **tāl*²⁴. Корректность этого несколько проблематического сопоставления как будто поддерживается представленным в комментируемом здесь списке параллелизмом в названии свиньи (на последний неоднократно указывалось в специальной литературе). Совершенно необычный для исконно картвельского материала вокализм груз.-зан. **ɾolo-* наряду с его семантикой, отражающей крупное копыто таких домашних животных, как бык, лошадь и осел, выдают в нем бесспорное культурное заимствование. Неясной, однако, остается степень давности его сванского эквивалента. Имеются во всяком случае формальные основания подозревать также неисконный характер груз.-зан. **ku(r)sl-*, в котором картвельцы иногда усматривают исторический суффикс -l. Индоевропейский архетип соответствующего слова строится на базе фактов итальянских (латинского) и армянского языков²⁵. Очевидна и большая близость грузинско-занского обозначения свиньи к соответствующему «диалектному» индоевропейскому, впервые замеченная, по-видимому, Л. Эйхбергом, трактовавшим последнее в духе его концепции в качестве древнего заимствования из какого-то неиндоевропейского источника²⁶. Нетрудно увидеть, что оба последних сопоставления этого списка объединяются передачей индоевропейского *gh* картвельским увулярным спирантом *γ* (впрочем, редуцированный характер грузинско-занского названия 'буйволенька' способен указывать и на его дескриптивное происхождение).

К перечисленной категории лексем примыкают еще несколько вероятных индоевропеизмов, которые, хотя и засвидетельствованы ныне лишь в

²¹ *Он же*. Экономическая история Грузии. Т. II. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.), с. 102.

²² См. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, с. 86.

²³ Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.), с. 200.

²⁴ К фонетической истории картвельского слова см. Гамкрелидзе, Мачавариани. Ук. соч., с. 91.

²⁵ Об индоевропейской лексеме см. Georgiev V. Lat. crus und clunis. Reste eines r/n Stammes. — Die Sprache, 1962, VII, № 1; Lambertaine Ch., de. Рец. на кн.: Schmitt R. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck, 1981. — BSLP, 1982, t. LXXVII, f. 2, p. 82.

²⁶ См. Eichberg L. W. Etymologien vorindogermanischer Wörter aus orientalischen Sprachen. Freiburg, 1959, S. 63—64.

части картвельских языков, обнаруживают фонетическую рефлексацию типичную для исконного материала. Так, мегр. и лаз. *bag-* ‘дробить почву, мотыжить’, сопоставимое с и.-е. **bergh-* ‘дробить’, может содержать обычный для общекартвельского наследия рефлекс занского передвижения гласных **e > a* (отсутствует, однако, уверенность в достаточной древности отвечающего ему фонетически сван. *li-bērg-e* ‘мотыжить’). Действие этой же закономерности отражает, по-видимому, и исключительно занская лексема, представленная мегр. *žvabu-* ‘лягушка’ и лаз. *mžvabu-* ‘жаба’, которая сближается с и.-е. **g^heb(h)-* то же ²⁷ (ср. балто-славянские, итальянские и германские данные). Это заимствование, вероятно, демонстрирует состояние до второй палатализации и подтверждает принадлежность его прототипа к древним индоевропейским основам на *-i-* ²⁸. Не менее интересным с рассматриваемой точки зрения может оказаться и явно заимствованное мегр. и лаз. *paɣv-* ‘стирать (о белье)’, которое сопоставительно увязать с архаичным и.-е. **snehu-* (> *snāu*) ‘мыть, плавать’.

Наконец, нелишним будет указать здесь на существование еще одного пласта картвельских индоевропеизмов, распространившихся уже как правило из одного картвельского языка в другие, однако интересных своим нередко архаичным обликом. Поскольку его полноценный диахронический анализ в настоящее время совершенно не подготовлен состоянием науки (большинство следующих ниже сопоставлений предлагается впервые), отметим лишь, что весь соответствующий материал распадается на две словарных группы, одна из которых тяготеет к занскому ареалу, а другая, по-видимому, к грузинскому. Иллюстрациями первой из них могут служить зан. и груз. *keɬ-* ‘дубина, палка’ (при и.-е. **ket(h)-* то же), зан. (и груз.?) *pusa-* ‘невестка’ (при и.-е. **snuso-*), зан. и груз. *(m)twer-* ‘пыль’ (при и.-е. **twer-* ‘кручение, вихрь’), лаз. *kra-* (> мегр. *(r)ka-*, груз. *rka-* ‘рог’ (при и.-е. **kǵā-* то же), лаз. *γurne-* ‘деталь мельницы’ (при и.-е. **g^herpu-* ‘жернов, мельница’) ²⁹. В качестве примеров второй группы таких лексем можно назвать груз. *aŋka-* ‘уж’ (при и.-е. **ang^her-* ‘змея, червь’), груз. и зан. *aŋkes-* ‘рыболовный крючок, удочка’ (при и.-е. **ankes-* ‘изгиб, крючок’), груз. и мегр. *gemo-* ‘вкус’ (при и.-е. **k^hemo-* ‘нёбо, вкус’), груз. *zux-* ‘осетр’ (при и.-е. **dǵhu-* ‘рыбы’), груз. (> зан.) *ker(a)-* ‘очаг’ (при и.-е. **ker(ə)-* то же), груз. *kvət-* ‘сычуг’ (при и.-е. **kvat(h)-* ‘квасить’), груз. *krzana-* ‘оса’ (при и.-е. **kr̥sen-* ‘шершень’).

Необходимо отметить, что ряд высказанных выше соображений и конкретных сближений в определенной степени условны, учитывая тот факт, что изучение древнейших картвельских индоевропеизмов находится на начальном этапе. Автор отчетливо осознает, в частности, что приведенный здесь материал не всегда равноценен и что некоторые из принятых сопоставлений могут в дальнейшем не выдержать испытания временем. Естественно, что необходимо считаться с такой возможностью диктуется в первую очередь сложностью строгого разграничения пракартвельских и несколько более поздних заимствований. Тем более в настоящее время нет оснований придавать картвельским данным той «решающей» роли в разгадке рассматриваемой проблемы, которая иногда придается древнему индоевропейскому (точнее, по-видимому, все же — индоиранскому) наследию в уральских языках. Поскольку соответствующая картвелистическая традиция, если о ней вообще можно говорить, пока совершенно не сравнима

²⁷ Ср. Чикобава А. С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, (на груз. яз.), с. 118.

²⁸ Ср. Мартинов В. В. Пруско-славянские эксклюзивные изолексы. — Этимология. 1982. М., 1985, с. 5 сл.

²⁹ Ср. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты, с. 5.

с финно-угроведческой, любые суждения об относительной ценности показаний обеих явно преждевременны.

Тем не менее продемонстрированный материал располагает нас к выводу о неизбежной ущербности любого решения поставленной проблемы, так или иначе игнорирующего исследование языковых следствий древнейших контактов между картвелами и индоевропейцами (в этом отношении мы принципиально расходимся с И. М. Дьяконовым и солидаризируемся с Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым). Приведенные факты позволяют согласиться с реальностью существования картвельско-индоевропейских контактов около IV тыс. до н. э. и, таким образом, признать наличие в это время по крайней мере каких-то групп индоевропейцев в пределах Восточной Анатолии, Южного Закавказья, а возможно, и Северной Месопотамии (нельзя не согласиться с неоднократно подчеркивавшейся в последнее время необязательностью постулата об ограниченности праязыковой прародины).

Значительно большее число индоевропейских заимствований в грузинско-занском ареале, чем в сванском (особенно при учете обширной территории, исторически принадлежавшей последнему в Северной Грузии), позволяет предполагать, что эти контакты должны были иметь место где-то на южных рубежах картвельской языковой области, в связи с чем уместно упомянуть гипотезу Г. Деетерса о картвельском субстрате для части армяноязычного региона³⁰. Именно здесь могли локализоваться окраинные группировки носителей древней индоевропейской речи до того, как она стала вытесняться экспансией говорящих на хурритско-урартских языках, продолжавшейся до VII в. до н. э. (отмечаемый исследователями яркий некартвельский характер старой топонимики Кахетии говорит в пользу едва ли не общепринятой точки зрения, согласно которой население ее большей части оставалось некартвельским не только в IV—III тыс. до н. э., но и значительно позже³¹).

В последней связи приходится обратить внимание на неверное отражение в дискуссионной статье И. М. Дьяконова нашей точки зрения относительно древнейших мест обитания картвелов и соответственно отношение к ней Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова³². Так, мне приписывается взгляд, будто картвелы не являются автохтонами Грузии и «...двигались в Грузию... с севера». Однако ни в указанной автором моей книге 1964 г., ни в какой-либо иной из моих публикаций подобных высказываний нет и не могло быть. Напротив, я неизменно отстаивал положение об автохтонности картвелов в Грузии, впервые последовательно разработанное в советской науке Г. А. Меликишвили. Например, в моей книге 1964 г. по этому поводу я говорил буквально следующее: «Отдельные лексические общности, разделяемые грузинским и сванским языками (но утраченные занским) и отражающие типичные атрибуты горного и даже высокогорного ландшафта... могут указывать на локализацию древних картвелов скорее в области Большого Кавказа и подкреплять таким образом взгляд С. Н. Джанашиа об автохтонности картвелов в Грузии»³³. В той же статье И. М. Дьяконов приписывает мне и мысль о выделении чанского (лазского) языка в I тыс. до н. э., которой нет ни в указываемой им книге, ни в моих других работах.

Ввиду сказанного не соответствует действительности и утверждение автора статьи, согласно которому Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов

³⁰ Ср. *Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung. — Caucasia, 1926, III; ibid., 1927, IV.*

³¹ Ср., однако, *Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов, I, с. 19.*

³² Там же, с. 20.

³³ *Климов. Этимологический словарь картвельских языков, с. 37; ср. он же. Кавказские языки. М., 1965, с. 12—13.*

«... отвергают гипотезу Г. А. Климova, считая, что новый лингвистический материал говорит против нее». В действительности же отношение обоих исследователей к моим соображениям по затронутому вопросу диаметрально противоположно. Из обсуждаемой И. М. Дьяконовым их статьи, равно как и из их других публикаций, следует, что они полностью солидаризуются с тезисом об автохтонности картвелов в Грузии, в соответствии с чем и используют значительную часть из предложенных нами картвельско-индоевропейских лексических сопоставлений³⁴.

В заключение остается подчеркнуть интересные перспективы, открывающиеся перед дальнейшим изучением древних картвельских индоевропеизмов (как, впрочем, и семитизмов). Можно ожидать, что это оставшееся до последнего времени в тени направление исследований будет способно пролить свет на решение комплекса вопросов как собственно лингвистической проблематики, так и проблематики, выходящей далеко за пределы ее компетенции. Не приходится сомневаться в том, что при целенаправленной работе уже в ближайшем будущем существенно возрастет и объем соответствующего фактического материала.

Г. А. Климов

³⁴ Ср. *Гамкрелидзе, Иванов*. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема..., с. 16; ср. также *Гамкрелидзе Т. В.* Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. II.— ВЯ, 1971, № 3, с. 37.

AREA CONTOURS OF PROTO-INDO-EUROPEAN IN THE LIGHT OF DATA FROM THE KARTHVELIAN LANGUAGE

G. A. Klimov

The author discusses lexical indications of early contacts between the Karthvelians and Indo-European speakers. Leaving aside all verbal similarities which do not indicate contact, he undertakes an analysis of Karthvelian material of more or less cultural semantics: certain numerals, designations of several domestic animals and plants, and other elements of material culture, with special emphasis on the possibility of finding in this material parallels with archaic I.-E. forms. One group of Karthvelian Indo-Europeanisms goes up as far as the Common Karthvelian another group is of Georgian—Zanic epos. However, the earliest Indo-Europeanisms might have been preserved in some one of the Karthvelian languages. It is to be expected that where there has been almost no research tradition these parallelisms cannot be of decisive significance in solving the problem under discussion, especially in view of the serious difficulties in establishing any precise chronology of their several origins. Nevertheless the author recognises the existence of a number of facts deserving careful attention which confirm the reality of historical contacts between the Karthvelians and I.-E. speakers in the IV and III millennia B. C. It is most likely that these contacts took place somewhere in the region of the southern Caucasus where later on there was an expansion of Hurrio-Urartian speaking people (in passing the author must take exception to the attribution to him of certain opinions by one participant in this discussion).